

Andrey L. Ustinov

**INFLUENCE OF INDUSTRIAL INDICATORS OF METAL
WORKS SOUTHERN URALS MOUNTAINS LAST QUARTER
XVIII – THE BEGINNINGS OF XIX CENTURIES ON FOLDING
OF PRECONDITIONS OF INDUSTRIAL REVOLUTION:
THE SOURCE STUDY ANALYSIS (ON EXAMPLE OF KASLINSKY
AND KYSHTYMSKY FACTORIES)**

In article questions of formation of preconditions of industrial revolution at factories of Southern Urals Mountains are considered. The author shows communication of relations between salesmen and factory owners and industrial indicators at factories. The conclusion is about accumulation of the resources necessary to start industrial revolution in XIX century. Article is supplied by statistical data.

Key words: industrial revolution, manufacture, private metallurgy, salesmen, business.

Код ВАК 07.00.02

М. А. Фельдман

**ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ:
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА УРАЛА
К МОМЕНТУ СОЗДАНИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье на основе использования статистических методов определены характерные черты знаковой социальной группы послереволюционной советской эпохи – «уральской региональной элиты». Сделаны выводы о факторах, влияющих на формирование и эволюцию новой элиты. При всей условности воздействия неоднородного и разнонаправленного рабочего социума, его сакрализации в пропаганде и марксистской теории, отдаленность вчерашних подпольщиков от реалий рабочего быта превращалась в социальный фактор. Указан вектор расположения «уральской региональной элиты» на ступенях управленческой лестницы.

Ключевые слова: партия, регион, элита, Урал, рабочие, управленцы, поколение, большевики.

Фельдман Михаил Аркадьевич, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66); доктор исторических наук, профессор.

Feldman Mikhail, professor of the Department of Public Administration and Policy Technologies of Ural Institute – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (620990, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-78-81. Электронная почта/E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Объединение на основе Постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область, превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1659 тыс. кв. км и населением 6380 тыс. человек²⁵⁴.

Судя по тексту Предисловия к «Обзору по итогам районирования Уральской области», изданного в Свердловске в 1924 г., руководство Уральской области ориентировалось на слова А.Н. Рыкова, произнесенные им на XII-м съезде правящей партии в мае 1923 г. (на тот момент, в условиях длительной болезни В.И. Ленина, А.Н. Рыков был фактическим руководителем правительства СССР – Совета Народных Комиссаров): «управлять огромной страной на основе бюрократического централизма невозможно. Нам нужны мощные областные центры с правами, далеко превышающими права и полномочия бывших губисполкомов»²⁵⁵.

Позицию коммунистов Урала по основным проблемам общепартийной и общесоюзной жизни должна была выявить первая областная конференция (Уральской области) в середине декабря 1923 г. Наличие 227 делегатов, представлявших 23 тыс. членов партии; присутствие секретаря ЦК В.М. Молотова; подчеркнутая торжественность открытия – все это придавало форуму уральцев особое значение.

Созвучие мысли А.Н. Рыкова о широких полномочиях Уральской области содержалось в Отчетном докладе Уральского Бюро ЦК РКП (б) первой областной конференции: «конференция должна была избрать Уральский областной комитет с большими полномочиями и сложными функциями». Первый опыт появления подобного института в СССР должен был качественно улучшить управленческую работу²⁵⁶.

С точки зрения марксистских канонов, партийные организации Уральской области представляли собой «идеальную» структуру. Высокий процент рабочих (более 46%) в общей массе коммунистов, еще более возростал среди работников губернских комитетов РКП (б) – 62%. Среди 1111 ответственных работников во всех звеньях аппарата четырех губерний русские составляли 92%²⁵⁷, что соответствовало и национальному составу населения области (89,2%)²⁵⁸.

Близость позиций радикальных партий в дореволюционную эпоху обусловила тот факт, что 150 ответственных работников, или

²⁵⁴ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 90. – Л. 12.

²⁵⁵ЦДООСО. – Л. 12.

²⁵⁶Там же. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 2-а. – Л. 1.

²⁵⁷Подсчитано по: ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 2-а. – Л. 8 об., 10.

²⁵⁸Там же. – Д. 90. – Л. 13.

каждый седьмой, были выходцами из социалистических партий²⁵⁹. В начале 1920-х гг. это еще не вызывало подозрений.

Правда, только десятая часть ответственных работников имела дореволюционный партийный стаж, но это должно было компенсироваться «революционным духом» подавляющего большинства управленцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны²⁶⁰; совместной работой по восстановлению индустрии Урала в труднейших условиях 1920-1923 гг.; наконец, молодостью управленцев: характерно, что из 135 ответственных работников *областных учреждений* Уральской области (на 15 ноября 1923 г.) – 118 или 87% были моложе 35 лет; значительными тиражами пропагандистских брошюр, выходящими в Екатеринбурге²⁶¹.

Среди руководителей губернских комитетов РКП (б) было немало участников Гражданской войны, хорошо известных на Урале. Личность М.М. Харитонова, избранного по рекомендации ЦК РКП (б) первым секретарем Уралобкома на конференции коммунистов области в декабре 1923 г., была менее «на слуху»: даже отработав два года (1921 – 1923) секретарем Пермского губкома, среди сплоченного годами революционного подполья и событий 1917 – 1920 гг. коллектива уральской партийно-хозяйственной элиты²⁶², он не только считался «назначенцем» из центра, но и сам себя идентифицировал таким образом²⁶³.

Заметим, что принцип назначенчества широко практиковался руководством правящей партии: из шести человек, работавших первыми секретарями Уральского обкома РКП (б) за время существования Уральской области (1923-1934 гг.), пятеро были назначены партийным центром и только один человек – Д.Е. Сулимов – был избран на этот пост из числа местных руководителей.

В то же время выходцы с Урала – руководители большевиков региона в 1917 – 1920 гг. (Н.Н. Крестинский, Е.Н. Преображенский, В.Н. Андронников, Ф.Ф. Сыромолотов и многие др.) – в начале 1920-х гг. работали в ЦК РКП (б), СНК СССР, ВСНХ, во главе трестов на Украине. Частые перемещения управленцев должны были, по мысли руководства компартии, не допустить сплочения местных элит.

Но что же из себя представляла региональная местная элита? Рассмотрим этот вопрос на примере такой социальной группы, как члены областного комитета РКП (б), избранного в декабре 1923 г. на первой конференции коммунистов Уральской области.

²⁵⁹ Там же. – Л. 39-40.

²⁶⁰ Там же. – Д. 1. – Л. 1.

²⁶¹ ЦДООСО. – Д. 5. – Л. 3. Наибольшим тиражом была издана брошюра «Какое дело русским крестьянам до германской революции?».

²⁶² См.: Фельдман 2013: 679-686.

²⁶³ ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 8 об.

Из 44 членов областного комитета РКП (б) 43 являлись мужчинами. Факт, отражавший не только срез социокультурных основ участия в политической жизни граждан Советской России, но и военизированный характер самой партии.

В составе Уралобкома РКП (б), избранного на партконференции в декабре 1923 г. из 44 человек не было ни одного – по терминологии того времени – рабочего «от станка». Наличие в составе Уралобкома 25 партийных работников, 17 советских, хозяйственных, профсоюзных ответственных работников наглядно говорило о процессе формирования самостоятельной социальной группы – управленческой элиты. Преобладание в составе областного комитета РКП (б) *партийных функционеров* (более половины), без сомнения, факт показательный: на уровне региона секретари партийных комитетов получали гарантированное большинство по любым вопросам. Столь же примечательным было и соотношение советских и партийных управленцев среди членов Уралобкома: соответственно, семь и двадцать пять. Как видно, представительство Советов, фактически, позволяло иметь «совещательный голос», но не более того.

Вопрос теперь заключался в том, насколько быстро и насколько полно 32 члена обкома – рабочие по «социальному происхождению» – превратившись в управленцев и, подчиняясь партийной дисциплине, – забудут свое пролетарское прошлое.

К такому шагу способствовало то, что из 44 обкома 23 (т.е. более половины) имели стаж пребывания в партии большевиков до февраля 1917 г.: став профессиональными революционерами в юношеские годы, как правило, весьма короткий срок успели побывать в рабочей среде на производстве. При всей условности воздействия неоднородного и разнонаправленного рабочего социума; при сакрализации «рабочего класса» в пропаганде и марксистской теории, с одной стороны, и в то же время, использование как инструмента достижения политических целей, отдаленность вчерашних подпольщиков от реалий рабочего быта превращалась в весомый социальный фактор.

Следует отметить и препятствовавшие такому разрыву с прошлым обстоятельства: родственные и товарищеские связи; постановка на партийный учет, по традиции того времени, в заводских партийных ячейках; вера в социалистические идеалы.

Еще одной важной деталью было то, что если среди *всех коммунистов* Уральской области большевики со стажем пребывания в партии до февраля 1917 г. составляли менее 5%; среди всех ответственных работников *областных учреждений* Уральской области – 10,5%, то в руководящем региональном органе – Уралобкоме – картина была принципиально иная. По сути, подобное явление указывало на наличие разных социотипов и психотипов внутри партийных организаций, соз-

давая потенциальные предпосылки для будущих конфликтов поколений и нравственных ориентиров.

Качество партийной элиты иллюстрировал показатель образовательной подготовки: 32 члена обкома имели только начальное образование (судя по анкетам, нередко двухклассное), шестеро – имели среднее (чаще – горное училище) и только трое – высшее. С такой образовательной подготовкой неизбежно возрастала роль эмпирического опыта и экспериментальных действий.

Подавляющее большинство состава Уралобкома РКП (б) (31 из 45) составляли люди до 35 лет. Наконец 35 членов Уралобкома (или 80%) являлись русскими; четверо – евреи; по одному были представлены народы Прибалтики, Кавказа; Поволжья. Сопоставляя приведенные данные с характеристиками всех ответственных работников Уральской области нетрудно заметить, что по социальному происхождению, возрасту, образованию, национальному составу члены Уралобкома немногим отличались от «первой тысячи» большевиков Урала (1111 ответственных работников Уральской области).

Качественным отличием и пропуском в верхний слой региональной элиты в начале 1920-х гг. становился **партийный стаж**. Индикатор, говорящий о своеобразной проверке на преданность большевизму, указывавший на близость к партийным верхам. В начале 1920-х гг. (и до середины 1930-х гг.) близость к «ленинской гвардии» была своеобразным знаком принадлежности к «кругу избранных», как на уровне ЦК РКП (б) и СНК СССР, так и в провинции.

Жизнь, прежде всего, реалии Нэпа, становились той лабораторией проверки качества управленческого мастерства, которая выстраивала иную иерархию управленцев: на способных безусловно подчиняться директивам Центра, и способных к сколько-нибудь эффективной организации восстановления экономики. Характерно, что первая областная конференция в декабре 1923 г. выявила существенные различия во взглядах на Нэп между партийными функционерами и их товарищами, вставшими во главе совнархозов, трестов и крупнейших предприятий.

Сама специфика партийной работы подталкивала к безусловному выполнению директив сверху, идеологических нормативов, идеализации опыта прошлого. Все это способствовало консервации взглядов партийных работников; затрудняло реалистический анализ как прошедших, так и современных событий.

Однако Нэп продолжался, а с ним у региональных *хозяйственных* элит росло накопление управленческого опыта и иное, чем в годы Гражданской войны, эмпирическое осознание подходов к управлению. Даже с учетом того, что эти подходы носили явно выраженный технократический характер и в декабре 1923 г. замыкались отраслевыми

рамками, именно у хозяйственных работников – руководителей совнархозов, трестов и крупнейших заводов – на протяжении 1920-х гг. вызревало понимание реальных закономерностей развития экономики; необходимости сохранения многоукладности на длительную перспективу.

Имена ряда представителей хозяйственной региональной элиты (например, Д.Е. Сулимова и Ф.И. Локацкова, сыгравших видную роль в индустриализации) Урала и сегодня носят улицы уральских городов. Но судьба региональной элиты – вне рамок предлагаемой статьи.

Список источников и литературы

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Фельдман 2013 – Фельдман М.А. Рабочие во власти? Проблема личного участия рабочих в органах Советской власти в годы Гражданской войны // Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции «Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. 16-17 мая 2013 г. – М.: РУДН, 2013. – С. 679-686.

Mikhail A. Feldman

AFTER REVOLUTIONARY UPHEAVALS: REGIONAL ELITES OF URAL BY THE TIME OF CREATION OF THE URAL REGION

The article is based on the use of statistical methods determined the character of some iconic traits of a social group of post-revolutionary Soviet era called "the Urals-tion of the regional elite". The conclusions about the factors influencing the formation and evolution of a new elite. With all the conventions of the impact of heterogeneous and mixed the working society; its sacralization in the propaganda and Marxist theory, the remoteness of yesterday's underground from the realities of working life has become a social factor. Specified vector location "of the Ural regional elites" on the steps of the management ladder.

Key words: party, region, elite, the Ural, the workers, the managers, the generation of Bolsheviks.